

Философия и культурология

УДК 392.9
ББК 86.372

Даренская Вера Николаевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии культуры и культурологии,
Восточноевропейский национальный университет им. В. Даля,
квартал Молодежный, 20а, 91034 г. Луганск, Украина
E-mail: darenska@yahoo.com

ПРАВОСЛАВНЫЙ ТРУДОВОЙ ЭТОС В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Трудовой этос русской крестьянской культуры, сформировавшийся под влиянием православной религиозной традиции, является не только важным аспектом понимания специфики русской традиционной культуры, но также и ценным источником мировоззренческого опыта для современного человека. Можно выделить следующие императивы православного трудового этоса: 1) нестяжательство и понимание духовного соблазна, таящегося в богатстве; 2) совесть перед людьми и природой; 3) понимание труда как исполнения Божиих заповедей и разновидности аскетического подвига; 4) понимание честного труда как особого со-работничества Богу и как источника подлинной духовной радости. Актуализация принципов православного трудового этоса в современных условиях обусловлена кризисом индивидуалистической цивилизации, основанной на принципах корысти и потребительства, лишаящих труд его духовного смысла.

Ключевые слова: этос, труд, традиция, Православие, мировоззрение, нестяжательство.

Как известно, наиболее знаковой книгой по истории трудовой этики является работа «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера, часто воспринимаемая не только как объективное исследование, но и как апология предприимчивости и жадности наживы, как якобы «высший образец» отношения к труду именно в противовес якобы «лености», «безалаберности» восточнославянского трудового этоса. К большому сожалению, названный предрассудок, в действительности совершенно не выдерживающий никакой исторической критики, глубоко укоренился в сознании многих гуманитариев. Поэтому в настоящее время весьма актуальными являются исследования нравственных, религиозных и культурно-исторических оснований того типа трудового этоса, который сложился в восточнославянском ареале под

определяющим влиянием Православия. Это позволит не только освободиться от многих предрассудков, но и выделить те ценные императивы православного трудового этоса, без которых невозможно сохранение и возрождение трудовой культуры народа в наше время.

К настоящему времени существует несколько парадигмальных работ, в которых объективно исследована специфика православного трудового этоса, на большом историческом материале развивающих особую нравственно-религиозную «философию труда». Прежде всего, стоит назвать книги О. Платонова «Русский труд» [7], а также С. В. Кузнецова «Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения» [4]. В этих многогранных монографиях трудовые традиции православного народа Руси рассматриваются как в исторической, так и в философской перспективе. Не менее важна и новейшая работа М. М. Громько и А. В. Буганова «О воззрениях русского народа» [3], в которой большой раздел «Хозяйственные традиции. Народная экология и трудолюбие» посвящён религиозно-этическим аспектам крестьянского труда. Для отечественной философской традиции уже классическими являются труды о. Сергия Булгакова «Философия хозяйства» и Н. О. Лосского «Характер русского народа», в которых глубоко показано влияние Православия на хозяйственную жизнь народа.

В частности, о. Сергей Булгаков, изучая особые нравственные императивы труда православных крестьян, писал о том, что «христианство освободило и реабилитировало всякий труд <...> и оно вложило в него новую душу. В нем родился новый хозяйственный человек, с новой мотивацией труда. Эта мотивация носит в себе черты соединения мироотреченности и мироприятия в этике хозяйственного аскетизма, причем именно это соединение противоположностей в напряженности своей и дает наибольшую энергию аскетического, религиозно-мотивированного труда» [2, с. 234]. Исходя из указанных концептуальных наработок, целью данной статьи является анализ особого трудового этоса и связанных с ним нравственных императивов русской крестьянской культуры. (Термин «этос» означает *реально* существующий тип поведения, в то время как термин «этика» обозначает сферу должного, сумму предписаний, степень реального осуществления которых может быть разной).

Для христианского сознания крестьянина было характерно представление о земле как *земле Божией*. «Земля Божия — этико-религиозное понятие, выражение целостного взгляда православного крестьянства на мир, как творение» [4, с. 134]. К тому же, по мнению М. М. Громько, православные люди «в основной своей массе не считали хозяйствование на земле только средством обеспечения своего существования или способом обогащения. Для них всегда это было нечто большее, связанное со всей их духовной жизнью. Связь эта проходила прежде всего через глубокое понятие — *земля Божия*, означавшее, что по происхождению своему и по существующему и ныне порядку вещей, она принадлежит Богу» [3, с. 263]. Если крестьянин хочет срубить дерево, косить траву или забивать скот, он крестится и произносит: «Прости, Господи!» Заметим, что крестьянин обращается не к природным стихиям, что было бы характерно для языческого мышления,

а к Богу. Вместе с тем народ твёрдо знал, что «что дождь, засуха, град, урожайные и голодные времена, здоровье и болезни зависят от нравственной чистоты народа. К святым людям природа всегда милостива, к нечистым и злонамеренным беспощадна» [9, с. 50], — писал известный богослов XX столетия, святитель Николай Сербский.

В традиционной культуре к земле всегда относились с особым почтением, соблюдая все предписанные запреты и правила поведения с нею, ибо земля считалась не только чистой и очищающей, но и святой, поэтому её нельзя было осквернять. По поверьям, «земля от Воздвиженья до Благовещенья спит, и тревожить её нельзя. Нарушение запретов даже одним человеком грозило бедой всей крестьянской общине: засухой, неурожаем и, следовательно, голодом и многочисленными смертями» [8, с. 163]. Как отмечал академик Д. С. Лихачёв, «к земле крестьяне <...> относились как к святыне. Перед началом земледельческих работ просили у земли прощения за то, что “вспарывали её грудушку” сохой. У земли просили прощения за все свои проступки против нравственности» [5, с. 317]. И действительно, земля воспринималась как живое существо, кормилица-поилица, к которой следует относиться трепетно и бережно, ведь именно от неё зависит жизнь всех живущих и обитающих, и она может мстить за причинённые обиды засухами, ураганами, бездождем или пагубными разливами рек. Однако говорить о языческом отношении к природе в восточнославянской традиции является научно некорректным, ибо тысячелетняя история существования православного христианства наложила отпечаток на мировоззрение и миросозерцание людей. В частности, обращения к земле не носили характера обращения к некому «божеству», что действительно было бы проявлением некоего реликта язычества, но именно *выражением сочувствия к живому Божьему творению, без которого невозможна человеческая совесть*. Молитвенные же обращения, связанные с трудом (о них речь пойдёт ниже), были исключительно христианскими.

Следует отметить, что бережное и внимательное, но никак не варварско-хищническое, отношение к природе воспитывалось прежде всего христианской моралью. Всё, что мы видим вокруг, — это дело рук Божьих, поэтому исключается разнузданное отношение к природе, грубое вторжение в её жизнь. Человек не считал себя «царём природы», призванным переделывать её на каких-то им самим придуманных основаниях. Подобная непомерная гордыня осуждалась всем христианским мировоззрением. «Высший незримый контроль над поведением каждого человека заставлял верующего следовать нравственному идеалу и один на один с природой» [3, с. 306]. Естественно, что трепетное и благоговейное отношение к земле и природе в целом сказывалось на мировоззрении и мироотношении крестьян. Н. О. Лосский отмечал, что «близость крестьянина к природе и разнообразие труда вырабатывает многостороннюю личность и органическую цельность жизни» [6, с. 131]. Однако такое «экологически бережное» мироотношение и миросозерцание, главным постулатом которого являлась любовь к своей родной и святой Матери сырой-земле, земле Божией, оставалось только у тех, кто обрабатывал её в поте лица, работал на ней, жил с нею. Кто мог по закату, птицам, облакам, растениям,

по изменившемуся поведению домашних животных предсказать будущую погоду, сроки посадки растений, будет ли зима холодной или тёплой и т.д. И такое мышление терялось у тех, кто переставал жить, непосредственно работая на земле, хотя и происходил из крестьянской среды.

Один из первых глубоких исследователей русской крестьянской культуры А. Н. Энгельгардт, ставший помещиком бывший профессор химии Петербургского университета, пишет о мужике: «...бросив землю, он как будто теряет все, делается лакеем»; «в таких <...> обчиновничившихся мужиках, которых зовут “человек”, вы уже не увидите того сознания собственного достоинства, какое видите в мужике-хозяине, земледельце. Посмотрите на настоящего мужика-земледельца. Какое открытое, честное, полное сознания собственного достоинства лицо! Сравните его с мерсикающим ножкой лакеем! Мужик, если он “ни царю, ни пану не виноват”, ничего не боится. Мужик, будь он даже беден, но если только держится земли — удивительная в ней, матушке-кормилице, сила, — совершенно презирает и попавшего на линию и разбогатевшего на службе у барина» [11, с. 378]. Иными словами, работа на земле привносит особые параметры в крестьянский труд, ведь сельский труд связан с поэзией народной жизни и поэзией природы (как бы тривиально это ни звучало); кроме того, сознание того, что крестьянин ест свой честно заработанный кусок хлеба, давало ощущение хозяина, ответственного и трудолюбивого хлебороба. Ставшая устойчивым обычаем и привычкой потребность в труде, превратившаяся в один из главных мотивов жизнедеятельности, составляла неотъемлемую часть мировоззрения крестьян. Таким образом, сельский труд имел «ценнейшую духовно-нравственную основу; стремление выполнить работу как можно лучше обусловлено духовно-нравственной культурой крестьянства» [7, с. 9].

В традиционной культуре восточных славян, основанной на христианских принципах, основным понуждением к труду не могла быть жажда наживы или страсть к деньгам, желание обогатиться, поскольку такие мотивы воспринимались как антихристианские. В крестьянской среде выработался свой трудовой этос, которым руководствовались на протяжении веков. Здесь, как отмечает М. М. Громько, «духовным основанием традиции трудолюбия служило прочно укоренившееся в крестьянской среде христианское представление, что труд благословлен Богом. В повседневности оно проявлялось, в частности, в пожеланиях, которые адресовали работающему: “Бог в помощь!”, “Помогай Господь!”» [3, с. 306]. В крестьянской среде считалось, что трудиться следует из-за того, что труд благословлён Творцом. Известная цитата из Священного Писания утверждает: «Кто не работает, тот да не ест», и именно этим нравственным постулатом руководствовались в своей повседневной жизни. В крестьянской среде практически немыслима была жизнь неработающего лентяя, потому что условия жизни были таковы, что без работы вряд ли проживёшь на земле, поэтому лентяи быстро нищали и вынуждены были идти побираться. Однако труд никогда в сознании крестьянина не связывался со словами «проклятый», «ненавистный» и подобными негативными эпитетами. Если труд благословлён Богом, и результаты крестьянского труда находятся в воле Господней, и к тому же труд выступает одним из главных средств к спасению

души и обретению Царства Божия, то и трудиться следовало соответственно — с любовью, усердием и, самое главное, с *радостью*. Так, М. М. Громыко отмечает, что «на каждом шагу русского земледельца являет себя не только знание, но и любовь, с которой нужно делать все на Божией земле» [3, с. 272]. Следует говорить о трудолюбии не просто как о важнейшей добродетели в глазах крестьянина, но именно об *этом радости труда*, об умении находить радость в самом труде как таковом, воспринимая его как работу «во славу Божию».

Идея труда как общепольного дела и — в идеале — как особого служения, не сводящегося к одним лишь мирским интересам, изначально родилась в крестьянской общине, но затем приобрела и особый христианский смысл, соответствовавший понятию *соборности*. Индивидуализм с его установкой лишь на личное спасение, широко распространившийся в западно-европейских странах, на Руси распространения не получил, что было связано с характером русского народа, жившего в условиях общины и имевшего иное понимание жизненных ценностей. Как отмечает О. Платонов, «спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд» [7, с. 9].

Отношение к богатству является индикатором, лакмусовой бумажкой этоса традиционной культуры. В народной культуре накопительство, жажда наживы, стремление к получению максимальной прибыли стояло в иерархии ценностей гораздо ниже таких понятий, как достойная жизнь, честное имя, ценность тёплых и искренних человеческих отношений (как со своей роднёй, так и с соседями, односельчанами, знакомыми). Деньги и богатство рассматривались всего лишь как *средство* к полнокровной, полноценной и гармоничной жизни, но не как *самостоятельные ценности*, к которым следует стремиться ценой отношений с людьми, личного счастья и т.п., что подтверждается многочисленными фактами. Так, современный русский писатель-деревенщик В. Белов отмечает, что «в старину многие люди считали божьим наказанием не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой. Тех, кто гордился богатством, особенно не нажитым, а доставшимся по наследству, крестьянская среда недолюбливала» [1, с. 58]. Тем самым само богатство здесь понималось не как самостоятельная ценность, но всего лишь средство для достойной христианской жизни.

Естественно, что главный труд в крестьянской среде — труд на земле — всегда вплетался в литургическую жизнь, являясь её составной частью. Так как крестьянская культура в основе своей христианская, то все важные дела и начинания, которые совершались в жизни крестьянина, сопровождалась общими молитвами всей семьи, молебнами, водосвятными молебнами и акафистами. Вместе с тем это не только не противоречило стремлению к накоплению практических знаний и опыта, но находилось в органическом единстве с последними. Как отмечает М. М. Громыко, «опираясь в практике своей на всю систему коллективных эмпирических знаний по поводу пахоты и сева, крестьянин в то же время сознавал, что

результаты его труда — в воле Господней и не забывал обращаться с молитвою к Богу» [3, с. 268]. И поэтому, в частности, «начало и конец жатвы у русских повсеместно сопровождалось молитвами и благочестивыми обычаями» [3, с. 279]. Обычай начинать хлеборобский год именно с обращения за помощью и благословением к Богу характерен как для русских, так и для украинских крестьян. Следует отметить, что основными хлеборобскими праздниками, в которых принимали участие священники (для освящения полей, молебнов с освящением хлебных злаков и т.п.), были следующие: весеннее начало работы на поле, начиная со вспашки; праздник святого Георгия (Юрия), припадающий на 6 мая, который был посвящён скотоводчеству; праздник апостолов Петра и Павла, который припадает на 12 июля; начало и конец жатвы; первый спас, или Маковея (14 августа) и второй Спас (19 августа), когда в церкви освящались продукты земледелия: овощи, фрукты, огородные цветы и мёд.

Приведём пример начала обработки и засева поля, распространённый среди юго-западной части русского народа, ныне именуемой украинцами. В частности, ранней весной священник отслуживал молебен с освящением хлебных зёрен. Собираясь сеять, надевали рубашки, в которых причащались во время последнего говенья в церкви. Делалось это для того, «щоб не було бур'яну і будяків поміж хлібом». Тем самым предполагалось, что благосклонность природы напрямую определяется нравственным состоянием людей, которые к ней прикасаются. «Перед тем как выехать в поле, вся семья собиралась в доме, перед образами зажигали свечи и молились Богу. Потом освяченной водой кропили волов или коней. Выезжая, пели песни шутиwego и веселого содержания:

*В понеділок поїхали,
А в вівторок приїхали,
Вранці в середу орали,
В четвер плуга поламали,
У п'ятницю волів погубили,
А в суботу волів знайшли
І додому пішли... »*

[10, с. 201].

Эта песня явным образом относится к особому пласту народной «смеховой культуры», исследованной М. М. Бахтиным. Каков же её смысл в данном случае? Нетрудно заметить, что в этой песне селяне «высмеивают» собственную немощь перед предстоящим им серьёзным и ответственным трудом. То есть *настраивают себя на смиренный лад, что нисколько не мешает упорству труда, но оберегает от жадности и хвастовства*. Это глубоко нравственный момент, который ещё более усиливается последующими ритуальными действиями в начале и во время работы. Они состоят в следующем: «Перед севом, как и перед пахотой, вся семья молилась Богу. Хозяин брал у руки крест (хлебец соответствующей формы, испеченный на крестопоклонной неделе) и клал его в борозду на завороте — там, где в последний раз возвратился плуг. Потом становился лицом к солнцу и читал “Отче наш”, набирал полные горсти зерна и бросал его накрест, приговаривая: *Уроди, Боже, і на чужу*

долю! После этого начинал сеять. А если начинал волочить, обойдя ниву вокруг, то останавливался возле “креста”, брал его у руки, бросал шапку и крестился. Потом ломал “крест” на части, размачивал в воде, ел сам и давал есть всем участникам сева, включая и животных» [10, с. 202]. Этот явно нецерковный ритуал, очевидно, является трансформацией каких-то более ранних обычаев языческого происхождения, однако нет оснований рассматривать его как проявление так называемого «двоеверия», поскольку он уже наделён специфически христианским смыслом.

В этом ритуале очевидно *отношение к обработке земли как процессу соучастия человека в благом устройении мира, в некоем со-работничестве Богу*. Пахарь-христианин символически освящает землю и работу на ней хлебным крестом, что означает приобщение всего творения к символу Воскресения и бессмертия. Тот факт, что хлебный символ давали съедать даже животным, показывает, насколько глубоко если не сознание, то душа крестьян понимала и переживала самую глубокую суть своей веры — победу над Смертью и возвращение всей твари её первозданного совершенного состояния. Вся тварь — не только люди, но и земля, и животные, и растения — переживалась как участник «вселенской литургии» (о. Александр Шмеман), славящей Творца и приобщающей всех к чаемому бессмертию. И насколько поверхностным и лживым оказывается на фоне такого глубокого и подлинного смысла народной практической веры распространённое мнение о якобы «языческих пережитках» в земледельческих обрядах православных крестьян! Как раз наоборот, эти обряды свидетельствуют о *самом глубоком практическом усвоении смысла христианской веры, в том числе и её сокровенных мистических аспектов* — в данном случае речь идёт о понимании человека как ответственного со-работника Бога, призванного освящать и преображать материальный мир.

Именно в этом контексте может быть понята во всей её глубине и молитвенная формула *«i на чужу долю»* — речь в ней идёт о том, что труд есть в подлинном смысле *дело Божье*, плоды которого есть дар Божий и поэтому принадлежат всем. Отмечая широко распространённый у православных крестьян обычай оставлять несжатой часть последней полосы при завершении жатвы, исследователи указывают и на непонимание его европеизированной интеллигенцией: «...неосведомленный о народных традициях наблюдатель, видя, как на сжатом поле чужие люди собирают немало оставленных колосьев, делает заключение о небрежности в уборке хлеба. Между тем <...> существует традиционное представление, что Богу угодно, чтобы оставшееся в ходе жатвы зерно не подбирали, а оставляли для бедных и пришельцев» [3, с. 280]. Здесь имеет место проявление понимания земли и её плодов как дара Божьего, который принадлежит всем людям — и поэтому труженик, делясь плодами своего труда, как бы подражает Богу как подателю даров, делясь ими с теми, кто испытывает в этом нужду. В отличие от западноевропейского принципа благотворительности, который имеет организованный и формализованный характер, здесь сохраняются естественные человеческие отношения, которые регулируются внутренним чувством совести: одни оставляют часть урожая, не зная конкретно, кто им воспользуется, а другие им пользуются, не зная, чей это дар,

и обязаны проявлять скромность, не беря лишнего. Здесь очевиден тот нравственно-воспитательный аспект, которого нет в «благотворительности».

Обобщая наш анализ, выделим следующие императивы православного трудового этоса: 1) *нестяжательство* и глубокое понимание особого духовного соблазна, таящегося в богатстве; 2) *совестливость* перед людьми и природой (в частности, землёй), являющаяся выражением любви к Богу и всякому Его творению; 3) понимание труда как исполнения Божиих заповедей и разновидности *аскетического подвига*; 4) понимание честного труда как особого *со-работничества Богу*, как источника подлинной *духовной радости*. Знание о таких императивах труда, существовавших у наших предков (это знание может распространяться через изучение истории и культуры), может стать важным фактором возрождения трудовой культуры россиян и других народов в настоящее время, поскольку «этос» погони за наживой и «карьерой» любой ценой, берущий начало из протестантской этики, в современных «постсоветских» условиях продемонстрировал свой утопизм и губительность как для отдельной личности, так и народа и государства в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М.: Искусство, 1989. 420 с.
- 2 Булгаков С. Н. Православие и хозяйственная жизнь // Булгаков С. Н. Православие. Харьков: Фолио, 2001. 480 с.
- 3 Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 527 с.
- 4 Кузнецов С. В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения. М.: Индрик, 1995. 436 с.
- 5 Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Российский фонд культуры, 2006. 336 с.
- 6 Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: Дар, 2005. 336 с.
- 7 Платонов О. Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
- 8 Русская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2006. 612 с.
- 9 Святитель Николай Сербский. Мысли о добре и зле. М.: Изд. Подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2001. 137 с.
- 10 Українська минування: Ілюстрований етнографічний довідник. К.: Либідь, 1994. 346 с.
- 11 Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем. М.: Мысль, 1987. 636 с.

* * *

Darenskaya Vera Nikolaevna,

*PhD in Philosophy, Associate professor at the Department of Philosophy of Culture, East-Ukrainian National University named after V. Dal',
Molodezhny bloc, 20 a, 91034 Lugansk, Ukraine
E-mail: darenska@yahoo.com*

ORTHODOX ETHOS OF LABOR IN RUSSIAN PEASANTRY CULTURE

Abstract: The ethos of labor in Russian traditional peasantry culture was essentially formed in Orthodox tradition and also was formed in the interactions with primordial Slavonic agricultural ethos. The fundamental imperatives of this ethos are: 1) unselfishness; 2) tenderness to people and nature; 3) comprehension of labor as a sort of ascetic deed; 4) comprehension of labor as a source of profound spiritual joy. Some worldview dimensions of Orthodox ethos of labor as a source of existential experience for contemporary man are analyzed here. The presumption that worldview experience of Russian traditional working culture is the powerful factor of existential enrichment for contemporary man's ethos of working is demonstrated here.

Keywords: ethos, labor, tradition, worldview, Orthodox, sacral, Russian.

REFERENCES

- 1 Belov V. Lad. *Ocherki o narodnoj jestetike* [Harmony. Sketches on folk's aesthetic]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 420 p.
- 2 Bulgakov S. N. *Pravoslavie i hozjajstvennaja zhizn'* [Orthodoxy and economic life]. *Bulgakov S. N. Pravoslavie* [Orthodoxy]. Har'kov, Folio Publ., 2001. 480 p.
- 3 Gromyko M. M., Buganov A. V. *O vozzrenijah russkogo naroda* [On worldview of Russian people]. Moscow, Palomnik Publ., 2007. 527 p.
- 4 Kuznecov S. V. *Tradicii russkogo zemledelija: praktika i religiozno-nravstvennye vozzrenija* [Traditions of Russian agriculture: practice and religious and moral worldviews]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 436 p.
- 5 Lihachev D. S. *Izbrannoe: Mysli o zhizni, istorii, kul'ture* [Selected works. Reflections on life, history, culture]. Moscow, Rossijskij fond kul'tury Publ., 2006. 336 p.
- 6 Losskij N. O. *Harakter russkogo naroda* [The character of Russian people]. Moscow, Dar Publ., 2005. 336 p.
- 7 Platonov O. *Russkij trud* [Russian labour]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 335 p.
- 8 *Russkaja mifologija. Jenciklopedija* [Russian mythology. Encyclopedia]. Moscow, Jeksmo Publ., 2006. 612 p.
- 9 Svjatitel' Nikolaj Serbskij. *Mysli o dobre i zle* [Reflections on the good and the evil]. Moscow, Podvor'ja Svjato-Troickoj Sergievoj Lavry Publ., 2001. 137 p.
- 10 *Ukrains'ka minuvshhina: Iljistrovanij etnografichnij dovidnik* [Ukrainian past. Illustrated ethnographical guide]. Kiev, Libid' Publ., 1994. 346 p.
- 11 Jengel'gardt A. N. *Iz derevni: 12 pisem* [From village: 12 letters]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 636 p.